

Лауреат премии НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

18+

АННА КОЗЛОВА
ЮРИК

РОМАН

Анна Козлова

Рюрик

«Фантом Пресс»

2019

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)

Козлова А.

Рюрик / А. Козлова — «Фантом Пресс», 2019

ISBN 978-5-86471-819-3

Марта не сомневалась, что легко найдет дорогу. Она ошибалась. Марта не знала, часто ли теряются в этом лесу люди, но надеялась, что если и так, то их ищут. Она ошибалась. Марта думала, что отец, узнав о ее бегстве, перевернет вверх дном всю страну. Она ошибалась. А вся страна, следящая за новостями о пропавшей Марте, понятия не имела, кто такая Марта на самом деле. Как не имела об этом понятия и сама Марта, пока не решила срезать дорогу через лес. Балансируя на грани жизни и смерти, между реальностью и безумием, Марта начала молиться, но не верила, что Он ее слышит. Она ошибалась. И это была самая роковая ее ошибка. Новая книга лауреата премии “Национальный бестселлер” Анны Козловой о том, что жизнь каждого, обычная и скучная, однажды может упереться в перекресток на проселочной дороге, где-то в глухомани, и придется выбирать, куда поворачивать.

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-86471-819-3

© Козлова А., 2019
© Фантом Пресс, 2019

Анна Козлова

Рюрик

Эта книга посвящается П., который верил в нее еще до того, как она была написана, чья любовь поддерживала меня и чья доброта дала возможность каждому из героев родиться, вырасти и уйти из нашей жизни в свою

1

Кто там? Мужчина? Ну так и быть, заходите скорей, двери сейчас закроются. Садитесь, поедем вместе. Вы, главное, аккуратней, не запачкайте ботинки – хоть прогресс и идет вперед, пригородных электричек он мало касается. В них пьют, ссут и блюют, как и семьдесят лет назад. Если что с тех пор и изменилось, так просто врать стали меньше. Теперь никто хотя бы не утверждает, что эти серые вагоны доставляют в восхитительную столицу нашей родины рабочую силу, перед которой надо преклоняться, поскольку именно она, захаркав весь тамбур и исписав его матом, бросится обеспечивать нас с вами самым необходимым.

Вам вот что необходимо?

Лампочка накаливания, рулон туалетной бумаги, батон хлеба – желательнее посвежее? Не нервничайте, никакого подвоха тут нет, всем нужна туалетная бумага, другое дело, что редкое общество в течение семидесяти лет кланялось в пояс ее производителям. Да, впрочем, теперь это уже неважно – ни для кого больше не секрет, что пригородные электрички набивают свое нутро обученной примитивным навыкам биомассой и перетаскивают ее с места на место.

Нам выходить через одну, перегоны на этом участке короткие, так что есть шанс, что вам не случится воочию увидеть тех, кто так оглушительно ревет в тамбуре.

Мы выходим через одну.

Не уверены, что вам стоит выходить в Мытищах? Да бросьте, вы уже столько со мной проехали, можно немного и пройтись. Вот, кстати, и наша остановка. Не волнуйтесь, тут уже недолго. Сейчас спустимся с платформы, буквально пятьсот метров вдоль железного забора – и мы на месте. Вы никогда не задавались вопросом, почему в этой стране люди питают такую страсть к заборам? Каких только заборов у них нет! Из звящего на ветру профнастила, из дерева, из кирпича, самые убежденные поклонники уединения возводят даже бетонные стены с колючей проволокой поверху. Невольно создается впечатление, что этим людям есть что оберегать, но мы-то с вами отлично знаем, что впечатление это в корне неверное – особенно если речь идет о Мытищах.

Видите вот то двухэтажное здание, естественно, за забором?

Туда-то мы и идем. Как вы можете заметить, прочитав плохо подсвеченную вывеску, это частная школа “Полигистор”, основанная в 1999 году. На самом деле это интернат, но у слова “интернат” издавна дурная слава. Поэтому всегда лучше чуть-чуть соврать, дабы сохранить общественное спокойствие, – согласитесь, куда приятнее каждый день идти в магазин мимо “частной школы”, чем “интерната”. В первом случае у вас есть пространство для классовой ненависти, не самого высокого градуса, но все же позволяющей ощутить себя хуже тех, кто может заплатить за обучение своих детей. Во втором случае классовая ненависть обращается непосредственно на вас, это ведь вы ходите до магазина и не сдали своих детей в интернат, от чего вам каждый раз становится стыдно.

Кажется, пришло время объяснить вам, зачем мы среди ночи идем в интернат “Полигистор”, раз уж мы туда идем. Пролезайте здесь, между прутьями, их согнули специально

для этого. Сейчас мы войдем в здание общежития и поднимемся на второй этаж, где живут девочки.

Ладно, не бойтесь, никто нас не поймает. Почему я так в этом уверена? Ну, во-первых, я здесь не раз уже бывала, а во-вторых, никому нет до нас с вами дела. Это горькая для многих людей истина, но в нашем с вами случае она исключительно на пользу.

Нам нужна третья дверь справа, за ней не спит девушка, с которой я хочу вас познакомиться. Уверена, она вам понравится. А не понравится, тоже невелика беда, вы оставите ее при первой возможности, за семнадцать лет своей жизни она к такому обращению вполне привыкла. Открывайте дверь и заходите, присаживайтесь, почувствуйте себя как дома.

Вы не туда смотрите, наша девушка не блондинка, которая спит, засунув между ног одеяло, а брюнетка. Блондинка – это соседка, зовут ее Люба Красилова, и самое интересное случится с ней в августе, когда она познакомится в сети с серийным маньяком, думая, что он полковник ВВС США в отставке *Larry B. Jenkins*. Но этого еще три месяца дожидаться. А нашу девушку зовут Марта, вы отодвиньтесь чуточку, видите, она хочет что-то взять из шкафа. Мы с вами успели вовремя, к самому началу истории, наша Марта собирает рюкзак, чтобы под утро сбежать из интерната “Полигистор”.

Как она вам, кстати?

На мой вкус, очень приятная девушка и, поверьте, очень способная. Если бы она передумала убежать, если бы засунула рюкзак под кровать и просто легла спать, ее будущее могло быть просто блестящим. На выпускных экзаменах она бы получила такой высокий балл, что ее бы рвали друг у друга самые достойные университеты нашей родины. Отучилась бы где-нибудь годик-другой, подала на иностранную стипендию и свалила как нечего делать. Но это, согласитесь, не совсем та история, которую вам было бы интересно услышать, не так ли? У вас имеется собственная ничемная жизнь, к чему умирать от скуки, слушая историю чужой.

Что мне рассказать вам о Марте, пока она собирается? То, что она красива, вы и сами видите, а то, что умна, вам увидеть не получится, придется поверить мне на слово. Или, что тоже вероятно, у нас с вами разные представления о том, что считать или не считать умом. Если взять за крайнюю точку Ларри Б. Дженкинса, то, пожалуй, мы сойдемся, но я тем от вас и отличаюсь, что ценю человеческие порывы. Безусловно, часто они приводят к Ларри Б. Дженкинсу, но движет людьми не страсть к саморазрушению, как вы наверняка думаете, а жажда жизни.

И Марта не исключение. Глядя сейчас, как она курит, свесившись из окна, выставив вам на обозрение обтянутую джинсами попу, вы вряд ли поверите, что это едва ли не самый разумный человек из всех, кого вам доведется встретить на этих страницах. Просто, в отличие от вас и многих вам подобных, ей понадобилось не пятьдесят лет, а всего лишь десять, чтобы осознать, в каком дерьме она находится. Нет, я вполне допускаю, что и вы отдаете себе в этом отчет, но то ли вы профукали свой рычаг, то ли пока не нашли. Под рычагом я понимаю некое событие, зачастую обыденное, на которое вы отреагировали не так, как обычно (то есть никак).

Кажется, Марта что-то пишет в телефоне, вы не видите, что? Ладно, не утруждайте себя, она пишет:

Яша, единственный человек, по которому я буду скучать, – это ты.

А сейчас вытаскивает из телефона симку и разрезает на две части маникюрными ножницами, а сам телефон оставляет на столе. Дальше она вылезет в окно, до земли там метра два с копейками, так что, если опасаетесь, лучше спуститься по лестнице. Нет, вас никто не поймает – как я и говорила, никому никакого дела до вас нет.

2

Вы знаете, что девочки в подростковом возрасте часто воображают, что их снимает камера? Одно время эту фантазию даже хотели причислить к психическим расстройствам, хотя при чем тут психические расстройства? Каким же тугим, ржавым мозгом нужно обладать, чтобы хоть на секунду допустить, будто девочки-подростки могут быть удовлетворены той жизнью, которой они живут.

Требования, выдвигаемые к ним обществом, почти всегда взаимоисключающи, но неизменно лицемерны. Науку лжи необходимо освоить прежде всех наук, чтобы, погружаясь в беспроектную скуку, сохранять на губах заинтересованную улыбку.

Просто вообразите себе на секунду эту картину. Все наперебой рассказывают вам, как важно хорошо учиться и получить профессию и как опасно забыть на все это, нехоти влюбившись. Это еще можно понять, если бы юных девушек побуждали бросать все силы на освоение перспективных и интересных профессий, но как раз этого не происходит. Матери с каменными задницами, просидевшие полжизни в бухгалтериях, упиваются своей добродетелью и желают дочерям такой же судьбы. Нет бы хоть одна честно призналась в том, что складывает цифры в столбик не потому, что таково ее призвание, а просто потому, что ни на что другое не способна.

Не отстают и отцы, все эти стратеги гаражных склок, генералы пластиковых окон и солдаты армии бездарного ремонта. Они, правда, редко когда питают надежды на карьерный рывок дочери, их больше волнует, не даст ли она кому-нибудь не тому. “Не тот” в понимании отцов – это любой мужчина, преуспевший в жизни больше, чем они сами. Особенный ужас у них вызывает возрастной мезальянс. Казалось бы, нет ничего более естественного и приятного, чем сексуальные отношения молодой женщины и мужчины постарше – более опытного, раскованного, принявшего себя и свое место в жизни.

Но нет!

Только не это.

Необходимо найти ровесника, неуверенного в себе, гонимого всеми кретина, чей постельный опыт исчерпывается пьяной однокурсницей и не менее (а то и более) пьяной проституткой из подворотни.

Вот это – то, что надо для старта нормальной жизни.

Ну да ладно, вернемся к Марте, которая как раз приближается к трассе М8.

В самое ближайшее время ее назовут лучиком света, очаровательной и безрассудной, не приемлющей ложь и готовой бороться за себя.

За плечами у нее висел черный рюкзак, где лежали два желтых и два красных носка, трусы, книга Алена Роб-Грийе, которую она открыла один раз и читать это было невозможно, тушь для ресниц, помада, обещающая оттенок “матовый шоколад”, упаковка тампонов “Котекс”, чужой сарафан с открытой спиной и флакончик антисептического геля для рук “Роза” (“Ваши руки пахнут розами, где бы вы ни находились”). Паспорт, сообщающий, что она родилась в Архангельске в 2000 году, остался в канцелярии школы-интерната “Полигистор”, откуда она, как мы знаем, сбежала и куда нам, к сожалению, еще придется вернуться.

Через три дня газеты по всей стране обратятся к обществу с вопросом, как оно допустило, чтобы дети чувствовали себя настолько беззащитными? А пока наша Марта вытащила из мятой пачки красного “Мальборо” предпоследнюю сигарету, прикурила и вышла на обочину.

На нее неслись фуры, мимо пролетали украшенные в индийском храмовом стиле кабины дальнобойщиков, обдавали жаром седаны и джипы – все это рычало и выло, надсадно кашляло, вздрагивало от насекомых, которые, влипавшись в лобовое стекло, оставляли после смерти омерзительный желтый плевков, а вовсе не добрую память.

Марте не приходилось раньше голосовать на трассе, она остановилась и подняла руку. Мелькнула мысль, что ее могут принять за проститутку, и мысль эта придала ей смелости. Она стояла на обочине с поднятой рукой, пока не докурила “Мальборо” до фильтра. Никто и не подумал притормозить. Тогда Марта решила идти вперед, выставив руку с поднятым большим пальцем в сторону дороги. Если она смотрела американские фильмы, в которых так делали, скорее всего, их смотрели и водители всех этих чертовых машин.

Марта плелась по обочине; держать руку на весу было не так-то легко, как представлялось. Она проходила пятьсот-шестьсот метров, останавливалась и голосовала.

Никакого результата.

И она снова двигалась вперед.

Казалось, у нее никогда не бывает плохого настроения, она умела шутить, радоваться жизни, поддерживать других, она была лучиком света для всех, кто ее знал. Живая, умная, готовая бороться за себя и других при малейшей несправедливости, она стала жертвой взрослой подлости, и все мы в ответе за то, что с ней случилось.

Этот абсолютно пустой с информационной точки зрения, но наполненный надрывной эмоциональностью лид вскоре перепечатают почти все крупные новостные сайты.

Марта вздрогнула. Прямо за ее спиной заклокотал мотор, голые щиколотки опалило жаром. От неожиданности она отпрыгнула в сторону и подвернула ногу. Громко выругавшись, упала и осталась сидеть в пыли, схватившись обеими руками за лодыжку.

Прямо перед Мартой стоял огромный, сверкающий на солнце мотоцикл, он дрожал и фыркал, как пес, понюхавший перец. Мужик, сидевший на мотоцикле, снял шлем. На вид ему было лет сорок.

– Куда направляешься? – спросил он.

– В Архангельск, – ответила Марта.

– А зачем?

Она поднялась и как можно непринужденней пожала плечами:

– К родственникам! – Марте не хотелось быть резкой с единственным человеком, которого тронул ее безнадежный автостоп, и она добавила с улыбкой: – Но вы можете просто прокатить меня по трассе. Сколько-нибудь.

Мужик смотрел на Марту с сомнением, но и с определенной жадой, словно ему очень хотелось пить, а единственная доступная вода находилась в не очень чистом стакане. Его взгляд, как чулок, медленно скользил от подбородка Марты к груди, от талии к бедрам. Когда чулок дополз до коленок, она уже знала, что он согласится.

– На моте когда-нибудь ездила? – спросил он.

– Да! – заверила Марта.

– Не наваливайся на меня, держись ногами и смотри вперед, через мое плечо, – сказал он, вынимая из кофра шлем.

Она, конечно, не знала, как надевать шлем, – резко надвинула его на лицо, зацепив волосы и вырвав несколько прядей. В шлеме пахло сладкими духами, словно Марта зашла в маленькую примерочную, откуда только что вышла предыдущая покупательница.

Мужик с усмешкой показал, как поднимать визор:

– За носик. Вверх и вниз.

Кое-как она устроилась позади него и обхватила мотоцикл ногами.

Они тронулись и поехали.

Сначала медленно, лавируя между фурами, притормаживая, и Марта, как и предупреждал мужик, наваливалась на него всем телом и билась своим шлемом об его. Потом поголовье машин сократилось, мотоцикл вырвался в левый ряд и понесся вперед – толстой бесстрашной

пулей. Марта интуитивно приспособилась к его ходу – сжимала сиденье бедрами, отчего они ужасно болели с непривычки, но зато ей удавалось держать равновесие. Первоначальный страх ушел, ее больше не пугали наклоны мотоцикла на поворотах и рык мотора при ускорении. Она смотрела через плечо мужика на приборную панель и на блестящий, гладкий бак с круглым значком BMW. Она думала, что это крутой мотоцикл. И что она крутая девчонка, раз поймала его.

3

Вам, конечно, не терпится узнать, что за человек подобрал Марту, не маньяк ли он, случаем, не водится ли за ним темных страстишек, не возникло ли у него сознательного (или подсознательного, что, в принципе, одно и то же) желания воспользоваться беззащитностью, молодостью и красотой нашей Марты? Я вас успокою: это самый обычный мужчина, как вы, как ваш лучший друг, как коллега, с которым вы сидите за соседними столами, а за обедом обсуждаете футбол. Будьте уверены, он испытывает те же самые чувства, что и вы, он точно так же насмерть перепуган жизнью, сердце у него доброе, но ум похож на выгребную яму, куда годами срали слоновыми кучами с плохопереваренными ингредиентами из долга, вины и представлений о настоящем мужчине.

Как и вы, как и ваш лучший друг, как большая часть коллег, с которыми вы сидите за соседними столами, он практически не знает своего отца, потому что тот ушел от его матери, но мать исхитрилась истолковать эту банальность по-своему. “Твой папа не хочет жить с тобой, – говорила она, собирая губы в узелок так ловко, словно по контуру в них вставили проволоку, – он хочет жить с другой женщиной”.

Наш герой вырос в тени вагнеровского могущества другой женщины, темной богини отелей на час, Геллы туалетных отсосов в обеденный перерыв, щелчком сметающей со своего пути маленьких добрых фей-воспитательниц, какой, за неимением лучшего, пришлось стать его матери.

До чего же труден был святой путь этой женщины, отвергнувшей минет и взбитые, словно сливки, белые простыни отеля на час во имя прорезывателя для зубов!

Нет – разврату, да – Корнею Чуковскому!

Нет красному вину, нет долгим чувственным разговорам на дачной веранде, возле старой лампы, осаждаемой мохнатыми ночными мотыльками. О, она знала, чем заканчиваются такие разговоры, но в ее жизни присутствовало кое-что поважнее – например, протертый суп. Понятное дело, что на протертом супе ни один мужик долго не протянет, но мать нашего героя почему-то предпочитала упорно отрицать этот, казалось бы, медицинский факт. С самого раннего детства она рассказывала ему страшные истории про мужчин, каковые должны были вызвать в нем глубокое отвращение. Смысл такого подхода заключался в том, чтобы он не стал таким, как они, – читай, как его отец.

Всегда выгоднее играть на поле высокой морали, чем приземленных банальностей, из которых жизнь и состоит. Трудно найти союзников, если сказать: я просто хотела, чтобы он отдавал мне все свои деньги и дрочил в туалете, господи, неужели я так много требовала?!

Гораздо больше сочувствия вызывает рассказ о тяжелой послеродовой депрессии, полной потере интереса к сексу и о ребенке, оказавшемся насквозь психически больным и не способным даже десять минут полежать в одиночестве в своей кровати.

Именно таким, гиперактивным, наш герой, к несчастью, уродился. Сам за собой он, впрочем, ничего такого не замечал, но детство тем не менее провел в панике. Несмотря на жертвы, которые мать уже принесла ему и продолжала приносить едва ли не каждый день, она ни секунды не верила, что из этого выйдет хоть какой-нибудь толк.

Напротив, с каким-то гибельным сладострастием она ждала, когда же наконец в ее сыне взбунтуются отцовские гены и он опустится настолько, что станет заниматься сексом каждый день – вместо того чтобы учить английский.

Вы не поверите, но есть такие мужчины, кто желает заниматься сексом каждый день – ни в какие ворота не лезет! А когда выясняется, что еще как лезет, на помощь вновь приходят, держась за руки, мораль и нравственность. Встают по обе стороны раздолбанных ворот, куда действительно нет охотников лезть, и принимаются критиковать воротца поуже и поновее.

Гляньте только на этот фальшивый лоск! – заводит мораль.

Под свежей краской гниль и разложение! – подпевает нравственность.

Ну а закончат они, разумеется, тем, что истинная красота в служении другим, причем людям, а не половым органам.

Кажется, вы хотите спросить, что примечательного я нашла в герое, выросшем с огромным комплексом вины перед матерью, брошенной из-за него, и перед всеми теми хорошими женщинами, которых ему самому придется бросить, потому что они будут пичкать его протертым супом?

Проявите чуточку терпения, он сможет вас удивить. Пускай вас раздражает тарыхтение мотоцикла, пускай вы не видите под шлемом его лица, просто запомните: мужчина, чью спину робко обнимает сидящая сзади Марта, сбежал, как и она, только на несколько часов раньше.

Марту отделяли от Переславля-Залесского сто сорок километров к тому моменту, когда ее отсутствие обнаружили в интернате “Полигистор”. Соседка Марты по комнате, Люба Краилова, утверждала, что ничего не знает, но ей никто не верил. Даже когда Люба открыла шкаф и поняла, что ее сарафан с открытой спиной исчез, и принялась орать.

Любе грозили полицией, которая быстренько выведет ее на чистую воду и заставит рассказать, куда делась Марта. Не то чтобы Люба была сильно против того, чтобы кривляться перед следователем вместо подготовки к выпускным экзаменам, вовсе нет, полицию она как раз ждала с нетерпением. Но ей хотелось как-то закрепить свои позиции, доказать, что она не соучастница, а, напротив, жертва (у нее украли сарафан), поэтому Люба нашла в айфоне наиболее безобидную фотографию Марты и разместила в социальной сети, сопроводив текстом:

Моя лучшая подружка сегодня пропала... Я думаю, ее похитили, но мне никто не верит, все говорят, что я специально все вру, потому что прикрываю ее. А я ничего не знаю! Дело еще в том, что из нашей комнаты в интернате пропали многие вещи... Не знаю, что мне делать! Пожалуйста! Помогите найти Марту!

Не подозревающая о собственном “похищении” Марта и ее новый друг остановились в Глебовском возле открытого кафе с пластиковыми столами под тентом и наконец познакомились.

– Михаил. – Он протянул Марте руку.

Она пожала ее:

– Марта.

– Хочешь есть, Марта?

– Не откажусь.

Михаил, ухмыльнувшись, направился к ларьку, где готовилась еда. Марта отлично понимала, что вся эта история парадоксальным образом добавляет ему веры в себя. Она не знала, почему мужчинам, для того чтобы в себя поверить, нужно непременно повесить на шею кого-то неспособного к самостоятельной жизни, но, на ее взгляд, глупо было этим воспользоваться. Она уселась за пластиковый стол и закурила последнюю “Мальборо”. Через пару минут Михаил принес два стаканчика с кофе.

Кофе, нужно сказать, оказался вполне терпимый.

– Ты же раньше не ездила на мотоцикле, – словно пытаясь подловить Марту, заметил Михаил.

Она вздохнула.

– Ездила. Просто очень давно.

Он улыбнулся. Его доброжелательное недоверие походило на пресное тесто для пирога по рецепту “кризис среднего возраста”, и он будто приглашал ее всыпать специй.

– Вообще-то мне очень нравятся мотоциклы, – сообщила Марта. – Всегда хотела научиться водить. Это очень сложно?

– Да нет. – Он вынул из кармана пачку “Кэмел” и тоже закурил.

Некоторое время они молчали.

Из ларька выбралась внушительной комплекции, но угодливая в жестах тетка с подносом и заспешила к ним.

– Шашлычок! – объявила она, ловко снимая с подноса пластиковые тарелки. – Салатик! Хлебушек! Пожалуйста!

– Спасибо, – сказала Марта.

Михаил смотрел, как она ест. Когда с шашлыком было покончено, он поделился мыслью, что, по его наблюдениям, женщины едят так же, как занимаются сексом. Это соображение Марта за свою жизнь слышала раз пятьдесят. С ее точки зрения, оно совершенно ничего не сообщало о женщинах, зато очень многое – о мужчинах, не стыдящихся выдавать такое.

Марта хихикнула, а про себя заключила, что сегодня вечером будут мотель, выпивка, а потом Михаил постарается с ней переспать, причем так, чтобы все выглядело внезапным и непредсказуемым, как солнечный удар.

– Сколько тебе лет? – поинтересовался на всякий случай Михаил. – Только не ври, ладно?

– Семнадцать, – сказала Марта, – а тебе?

– Мне тридцать шесть.

– Куда ты едешь?

– Туда же, куда и ты.

– Ты не работаешь? Почему ты посреди недели едешь в Архангельск?

– Так вышло. – Он выдохнул дым и затушил окурок в стеклянной пепельнице.

Марта улыбнулась как можно приветливее и спросила:

– А можно мне еще мороженое?..

4

В интернате “Полигистор”, как мы с вами знаем, не особенно контролировали учащихся выпускного класса. Девочки и мальчики жили в отдельном корпусе, в комнатах по двое, мальчики – на первом этаже, девочки – на втором. Решеток на окнах, конечно, не было. Директор “Полигистора” построил на этом факте убедительную самозащиту с апелляцией к правам человека. “Мы не тюрьма и не колония для малолетних! – заявлял он впоследствии. – Мы – закрытая частная школа с высоким рейтингом!” Дальше он очень нудно расписывал достижения выпускников “Полигистора” в процентах.

Его оправдания выглядели более чем бледно на фоне Любы Красиловой, чье спонтанное (у нее украли сарафан!) сообщение о пропаже Марты чумной бациллой распространялось по социальным сетям.

Пропал ребенок!

Пропала девочка! Район Ярославки, кто видел – отзовитесь!

К полудню с директором “Полигистора” связалась взбудораженная женщина, представлявшая поисковый отряд. Она заверила директора, что отряд в составе двенадцати человек готов выехать на помощь. Директор поблагодарил женщину за отзывчивость, хотел сказать, что полиция уже в интернате, что он никак не может дозвониться до законного представителя Марты, но женщина не дала ему пикнуть, решительно перейдя в наступление.

– То есть вы не хотите, чтобы мы начинали поиски? – уточнила она.

– Что вы!.. – начал было директор.

– Два месяца назад пропал мальчик недалеко от Хотькова. Нас вызвали только на второй день, а на третий мы нашли тело.

– Но... – сделал вторую попытку директор.

– Вы в курсе, что с каждым часом шанс найти ребенка живым уменьшается? – грустно спросила женщина.

Слова ее совершенно не вязались с мирной, словно образовательной, интонацией. Директор ощущал себя так, будто не беседовал по телефону, а умер, оторвался от тела и встретился под облаками с чинным пожилым ангелом, который взирает на него с тем же презрением, с каким пару тысяч лет назад взирал на людишек, ничего не сделавших, чтобы предотвратить распятие.

– Конечно, я понимаю, – промямлил директор, – но девочке семнадцать лет, и...

– И она не ребенок? Вы это хотели сказать? Что ж, – голос женщины стал почти ласковым, – быть может, это будет вам утешением, когда в лесу найдут ее труп...

Тем временем в кабинете биологии Любу Красилову допрашивал следователь из Мытищ. Перед началом допроса, пока следователь раскладывал протоколы и искал ручку, Люба успела сделать селфи, которое немедленно выложила в сеть с подписью *Game over!*

Следователь в третий раз попросил Любу осознать, что все может быть очень серьезно. Попросил ее не врать.

– Я правда не знаю, куда она делась! Правда! – заверила его Люба.

– Давай подумаем вместе. У нее был парень? Может быть, она сбежала с ним?

Люба решительно замотала головой:

– Нет, у нее не было никакого парня...

– Друзья? – не сдавался следователь.

– Кроме меня она только с Яшей общалась. Но он в Лондоне.

– В Лондоне... – повторил следователь.

Люба кивнула. Ее уже немного раздражал этот скучный разговор. Пока она ждала следователя и красилась в ванной, ей рисовалось, как в интернат “Полигистор” прибывает молодой мускулистый полицейский (он будет без формы, в рубашке от “Лакост”, потому что у него богатые родители), и, увидев Любу, он засмущается, а она сексуально расплачется, и он засмущается еще сильнее и сильнее, пока воздух в кабинете биологии не обретет плотность тротила и невидимый взрыв не вынесет этого красавца вон, сотряся коридор, да и все здание. Но вскоре он вернется и снова примется допрашивать Любу или даже вызовет ее в мытищинский полицейский участок, и в конце концов они трахнутся на столе, откуда он сметет на пол резиновые дубинки и наручники...

Но пришел какой-то старый, жирный дурак, в голубой форменной рубашке, промокшей от пота в подмышках и на спине.

– Домой она не могла поехать? – спросил старый дурак.

– Нет, – сказала Люба.

– Почему?

Люба снисходительно улыбнулась:

– Потому что... в этом учебном заведении... находятся те... у кого не очень ладится дома.

– А что не ладилось дома у Марты? Она рассказывала тебе?

– Ее отец женился второй раз. У нее не сложились отношения с его женой.

Следователь понимающе кивнул.

– А мать?

– Она умерла.

Переночевать Михаил решил в Переславле-Залесском. В мотеле. Одноместный номер с завтраком стоил тысячу двести, двухместный – тысячу семьсот. Михаил осведомился, есть ли у Марты деньги? Марта вытащила из кармана джинсов пятитысячную купюру. Михаил почему-то смутился. Номера им дали рядом.

Марта приняла душ. Михаил постучал и спросил через дверь, не хочет ли она пойти с ним выпить? Марта с радостью согласилась. Все закончилось на веранде мотеля бутылкой дешевого бурбона, и Михаил травил бесконечные истории, в которых при самых неподходящих обстоятельствах на него нападали голодные до мужского внимания женщины.

Марта понимающе хихикала.

Когда дошло до врача-стоматолога, написавшей Михаилу смс: “Мне нравится, что ты похож на еврея”, он спросил, насколько Марта разделяет подобный женский подход к жизни и случалось ли ей тоже нападать на бедных мужчин?

Марта вытащила из его пачки очередную сигарету и закурила.

Вопрос Михаила не многим отличается от вопроса, который вы задали мне насчет Михаила. Вас интересовало, не питает ли он сексуальных надежд в отношении нашей малышки? Правда, с тех пор мы сильно продвинулись, и теперь, если вы обладаете хотя бы толикой интуиции, то, конечно же, поняли – питает, но, похоже, вам все равно нужны разъяснения.

По какой-то загадочной причине вы не желаете видеть то, что лежит на поверхности, и поэтому в центре ваших представлений о жизни находится нечто столь же далекое от реальности, как, скажем, волк-вегетарианец. Нравственный облик волков мог бы серьезно пострадать, если бы всякий раз, когда они набрасывались на жертву и рвали зубами сочную плоть, кто-то напоминал им, что подобный образ действий совершенно недопустим. Видя, как волки окружают олененка, вы вряд ли спросите, какова их цель? Вы вряд ли решите, что эти мощные, покрытые шрамами звери решили поиграть с олененком или показать ему дорогу к маме, тогда почему вы так упорно верите, что зрелый мужчина не имеет намерения трахнуть девушку, подобранную на трассе М8?

Что же касается Михаила, то и он почему-то страстно желает, чтобы очевидная ситуация была истолкована в прямо противоположном ей смысле. Не знаю, как вам, а мне хочется обнять его. Будь у меня грудь, я бы его к ней прижала и сказала: “Милый, чем ты так напуган? Что заставляет тебя извергать тонны словесного шлага, вместо того чтобы признаться: ты хочешь свою новую юную знакомую. В этом нет ничего страшного и тем более противоестественного. Заканчивай эти штучки, Михаил. Нет никаких хороших женщин, есть только женщины, которых тебе хочется трахать, и те, которых не хочется”.

Михаил открыл рот, чтобы продолжить повествование о своих злоключениях, но Марта его опередила. И не просто опередила, но оставила далеко позади.

– Единственным моим мужчиной был мой отец! – объявила она.

Повисла тяжелая, как дыхание после бега, пауза. Она была наполнена банальной, даже скучной мерзостью, но эта мерзость рождает интерес, интерес – разговор, а разговор щекочет нервишки.

– Да ладно... – пробормотал наконец Михаил.

Марта печально выдула дым.

– Так ты... – до Михаила начало доходить, – ты... свалила, что ли? Сбежала?..

Чтобы помочь Михаилу справиться с первоначальным шоком, а также немного побудоражить его воображение, Марта принялась тихим, влажным голосом описывать технические нюансы инцеста. На вопрос о побеге она не ответила. И так все ясно.

Выслушав про первое изнасилование в номере отеля в Порту, после которого (видимо, в награду) Марта получила шоколадную бутылочку с вишневым ликером, про то, как ее смешили презервативы, потому что она думала – это воздушные шарики, а также про преступное, грязное удовольствие, которое Марта, к своему стыду, от всего этого получала, Михаил встал.

Марта тоже.

Михаил шагнул к Марте и порывисто прижал ее к своей груди. Это ведь естественная реакция нормального человека, столкнувшегося с ужасом жизни. Марта прильнула к нему – наконец-то и на ее долю выпало простое человеческое участие, а не только сексуальная эксплуатация. Так они и стояли на тускло освещенной веранде мотеля, два одиночества, пока их идиллическое единение не нарушила эрекция.

Марта ее ощутила, а Михаила она повергла в отчаяние. Он положил голову на плечо Марты и произнес:

– Ты меня дико возбуждаешь. Не знаю, что с этим делать.

Ну что с этим обычно делают? Дают себе пару минут подумать, и если дикое возбуждение не отпускает, отправляются туда, где никого нет, но есть закрывающаяся дверь. Марта и Михаил загушили сигареты и двинулись в номер Михаила. Следующие полчаса Михаил извивался на узкой койке, но никакие ухищрения искушенной в инцесте Марты не заставили его член продержаться необходимое для полового акта время.

– Наверное, не надо было пить всю бутылку, – сказал он, перед тем как вырубиться.

Марта промолчала.

Отвечать было, во-первых, нечего, во-вторых, совершенно бесполезно.

В два часа ночи Марта лежала рядом с Михаилом на узкой кровати, накрыв голову подушкой, чтобы заглушить храп, а директору интерната “Полигистор” наконец удалось дозвониться до ее отца.

По понятным причинам директор чувствовал себя неуютно. Вместо того чтобы сразу сказать, зачем он звонит, он сообщил, что занимается этим с девяти утра, на что получил простой ответ:

– Я летел в самолете.

– А сейчас вы где? – зачем-то спросил директор.

– В Сиднее.

Директор собрал волю в кулак и отгарабанил, что Марта утром сбежала из интерната и ее до сих пор не нашли. Затем он упомянул про полицию, допросы учащихся, а заодно ввернул про поисковый отряд, который может прибыть в любой момент.

– Держите меня в курсе.

Разговор завершился.

5

Утром у Марты трещала голова. Ужасно хотелось пить. Рядом лежал обросший за ночь щетиной Михаил, который будто бы невзначай тыкал ей в спину сухим, горячим и на этот раз твердым членом. На более решительные действия он пока не отваживался.

Марта вылезла из постели, как бы не заметив горячего, сухого призыва, и скрылась в душе. Михаил тоже встал, натянул мотоциклетные штаны и с мрачным выражением лица удалился в магазин. Там он купил сигареты и шесть бутылок ледяного пива. Этот поступок без лишних слов продемонстрировал, что сегодня на мотоцикл Михаил не сядет.

Так незатейливо, но жестко в очередной раз столкнулись гендерные интересы: Марта хотела побыстрее уехать, Михаилу было в общем-то все равно, чего она хочет.

Он вернулся в номер, достал из пакета две бутылки, открыл и протянул одну Марте.

– Спасибо, – сказала она вежливо.

Михаил сел напротив нее, на смятую кровать, широко расставив колени. Возникла пауза, аранжированная надсадным кашлем фуры на стоянке мотеля.

– Послушай, – заговорил Михаил развязным тоном, – ты вчера что-то такое мне говорила... про какие-то семейные сложности...

Марта подалась вперед, словно сейчас Михаил скажет нечто, что решит ее судьбу.

– Так вот... – Он сделал еще один внушительный глоток. – Мне не нужны проблемы.

– Никаких проблем не будет, – тихо, но твердо пообещала Марта.

– Я в этом совсем не уверен, – Михаил вздохнул, – то, что ты рассказала... с таким вообще лучше идти в полицию...

Марта фыркнула.

– Если ты сама не хочешь идти в полицию, можно обратиться к кому-то... к школьному психологу, например.

Марту такой разговор начал раздражать.

– Я не обратилась в полицию. И к школьному психологу тоже. Что дальше?

– А твоя мать? Она была в курсе?

– Проблема в том, что я ничего не знаю о своей матери. Отец уверял меня, что она умерла, но я никогда не видела свидетельства о смерти, вообще никаких документов. Я ничего о ней не знаю, кроме ее адреса в Архангельске. Поэтому я и хочу туда поехать...

С этими словами она поставила бутылку с пивом на подоконник, сняла сначала кофточку, потом джинсы, потом лифчик. Трусы после душа Марта не надевала – они были грязные, а стирать их и сушить на батарее она постеснялась.

Давайте на секундочку притормозим и полюбуемся Мартой. Как же она хороша, когда стоит совершенно голая в центре этой скучной обстановки. Какой тонкий изгиб шеи, как заострился черный кончик локона, упавшего на правый сосок, какие очаровательные мурашки проступили на ее мягких белых бедрах.

В ней нет отвращения, нет страха или стыда, напротив, ее до дрожи, до подступающих слез восхищает смелый лаконизм этой сцены. Марта улыбается Михаилу, но она улыбается и вам, она делает шаг к Михаилу, но становится ближе к вам на шаг. Она усаживается на него, под ее голыми ляжками скрипят кожаные штаны, ее язык проникает к нему в рот, и микроскопические вкусовые рецепторы ощущают пивную горечь. Ее больше нет, нет Михаила в трескучих штанах. Это – кино про Марту, снятое по книге о Марте. В кадре актер переворачивает актрису на спину, она изгибается под ним, его мощное, поросшее черной шерстью тело обвивают ее загорелые ноги.

Камера съезжает на тюлевую занавеску – она мечется на сквозняке, как оторванное крыло ангела.

Оставим Марту расплачиваться за проезд до Архангельска единственной твердой и везде принимаемой валютой и посмотрим, как там дела у Любы Красиловой?

Буквально минуту назад Люба получила сообщение от журналистки независимого портала “Страна +7” Кати Беляевой. Катя спрашивает, не согласится ли Люба встретиться с ней, чтобы дать небольшое интервью, которое, безусловно, поможет в поисках Марты?

Люба тут же соглашается – еще бы! Сегодня суббота, а по субботам учащиеся интерната “Полигистор” ездят домой, где, как Люба уже намекала следаку из Мытищ, никого из них особо не ждут.

Сев в маршрутку, Люба позвонила матери и сообщила, что у нее болит горло, а потому она не приедет. Мать эта новость и правда не сильно расстроила.

Люба ехала по Ярославскому шоссе, мимо гигантских стеклянных ангаров, предлагавших всем желающим немецкие машины, а также строительных рынков под открытым небом и более комфортабельных мегамоллов, куда традиционно увлекают “всей семьей”, и силилась вспомнить, откуда ей известно это имя – Катя Беляева?

Не трудись, Люба, я помогу тебе. Катя Беляева сыграет в нашей истории не последнюю роль и, безусловно, заслуживает того, чтобы о ней сказали несколько слов.

Кате тридцать шесть, она миловидная шатенка, а широкую известность ей принес “Дневник жертвы” – серия материалов, которые Катя несколько недель смело публиковала на портале “Страна +7”. Именно после оглушительного успеха этого проекта ее и позвали на постоянную ставку.

История, положенная в основу дневника, к журналистской чести Кати, была абсолютно документальна – возможно, поэтому и вызвала такой бурный отклик. За год до публикации первого материала Катя Беляева лежала в постели у себя дома, в доставшейся от бабушки двушке недалеко от станции метро “Кутузовская”, и компанию ей составляли ноутбук на груди и стакан пино гриджио на тумбочке.

Внезапно в мессенджер упало сообщение от незнакомца, предлагавшего Кате поставить лайк его странице, посвященной вымачиванию коровьих черепов в соляном растворе – для уменьшения вони. Отвращение было столь сильным, что Катя зашла на страницу незнакомца, дабы увидеть его лицо. Разумеется, оно оказалось столь же гнусным, как и его занятие, к тому же мужчина почему-то все время фотографировался на могилах известных людей.

Катя вступила с незнакомцем в переписку. Она вежливо сообщила, что у нее “немного другая профессия”, и порекомендовала обратиться “к сатанистам”, предположив, что они, в отличие от нее, смогут оценить его труды.

Незнакомец тут же перешел на “ты”. Написал, что его зовут Кирилл и что Катя – единственная, кто откликнулся на его просьбу поставить лайк странице, это ведь обычная автоматическая рассылка. В ответ Катя пространно написала про законы вежливости, уже с изрядным количеством опечаток, так как успела допить второй стакан и налить третий. Кирилл ничего не ответил, но наутро Катя обнаружила на своей странице ролик с пошлейшей песенкой о любви, который он там разместил. Некоторые ее друзья даже лайкнули ролик.

Катя растерялась: с одной стороны, ей не хотелось, чтобы у нее на странице, где она публикует свои фотографии и ссылки на журналистские материалы, торчала идиотская песенка, с другой – она боялась, что оскорбит Кирилла, решившегося на такой искренный жест. Ближе к полудню от него пришло сообщение:

Привет Муська!

Кирилл писал ей каждую минуту, она с гневом отметила, что он плохо образован и лепит невероятные ошибки. Полная неразбериха царила по части “тся” и “тсья”, он не обособлял обращения, придаточные, причастные и деепричастные конструкции, к тому же в его профиле (при более внимательном изучении) Катя обнаружила нацистскую символику.

Кажется, вы уже некоторое время хотите спросить меня, почему Катя Беляева просто не заблокировала этакого мудилу? Понимаю вас, вопрос, что называется, напрашивается, но давайте не будем забегать вперед и позволим самой Кате ответить на него.

Через два дня (и то ли десять, то ли двенадцать любовных песен) Кирилл пригласил Катю на концерт, происходивший в пристройке к рыночному павильону на окраине столицы нашей родины. Катя тщательно нарядилась и на такси прибыла к указанному времени. Кирилл опоз-

дал на двадцать минут. При личной встрече и ближайшем рассмотрении у него обнаружился ощутимый излишек веса (он явно пренебрегал спортом), псориаз (струнья покрывали кисти рук, шею и отдельные участки черепа), ну а самую масштабную катастрофу являл рот, где все насквозь прогнило, включая два передних верхних зуба, почерневших у самой десны.

Пока Катя его ждала, к ней успел пристать маленький лысоватый мужичонка из тех, что, услышав “нет”, не успокаиваются, а лишь пуще принимаются расписывать свои сомнительные достоинства. С этим навязчивым поклонником Кирилл на Катиных глазах вступил в конфронтацию и, когда мужичонка испарился, несколько раз подчеркнул, что спас ее.

В тот вечер Катя узнала, что Кирилл родился в одной из бывших союзных республик, откуда его семья бежала под угрозой убийства в девяностые. В силу непоправимой бездарности членов семьи и тотального отсутствия у них хоть какого-то образования ни малейшего интереса для нашей родины они не представляли и потому мыкались по съемным комнатам больших и не очень городов, подрабатывая в продуктовых, приворовывая по мелочи и подывая о своем бесправии. Кириллу выпал, в некотором смысле, золотой билет: пару лет назад он взял наскоком толстую тетку из Бибирева, с ребенком неизвестно от кого, но зато со своей квартирой.

Последнее обстоятельство необычайно вдохновило Катю. Она, конечно, чувствовала себя обязанной Кириллу, ведь он постарался, размещая для нее любовные песни, а потом еще и спас, но наличие у него постоянной партнерши переводило их отношения в ранг простой интрижки. Допив джин с тоником, Катя предложила закончить вечер у нее дома, где честно попыталась вступить с Кириллом в интимную связь, но из этого мало что получилось.

Что вы там бормочете, я не расслышала? Сомневаетесь в умственных способностях моей героини? Да неужели? Знаете, все же не зря я вас выбрала, в определенной интуиции мне не отказать. Как только я вас увидела, сразу смекнула, что вы из тех, кто предпочитает простые оценки сложных жизненных ситуаций. Главное – не слишком пристально смотреть на себя, а уж других судить вы всегда горазды.

Вас-то, конечно, нельзя упрекнуть в том, что частенько вы делали не то, что хотели, а то и чего вовсе не хотели. Вы не спали с кем-то, от кого вас тошнило, из страха это существо обидеть, не сбрасывали пятидесятый звонок, не мямлили, когда вас уже подкараулили у подъезда: дело не в тебе, дело во мне, я не готов к серьезным отношениям...

Я-то вас как раз не осуждаю, не волнуйтесь, я знаю, какое огромное мужество, какое титаническое душевное здоровье требуется, чтобы просто жить своей жизнью, но я также знаю, что взять его зачастую неоткуда.

Что же касается Кати Беляевой, то наутро следующего дня (Кирилл, к счастью, уехал) она зачистила наконец свою страничку от его песен, вымылась хорошенько и собралась забыть случившееся как страшный сон, но у жизни, мы с вами знаем, имеется своя логика. Жизнь не жалуется тех, кто с ней торгуется, она принимает их податки, припасая камень за пазухой, а из тех, кто сказал “А”, она вытягивает “Б” всем, что ей под руку попадется, – и каленым железом, и испанским сапогом.

Выяснилось, что тетка из Бибирева совершенно не настроена бороться за Кирилла, даже наоборот. Воспользовавшись тем, что он приперся домой под утро, она обвинила его в измене (справедливо) и выставила вон. Ну а куда он побрел, вы, наверное, уже догадались.

Кате он объявил, что она разрушила его брак, о чем он, впрочем, не жалеет, потому что влюбился в нее без памяти. Он сел за стол на кухне, достал из портфеля бутылку полусладкого шампанского и откупорил. Катя опять не знала, как поступить: с одной стороны, ей не хотелось видеть Кирилла у себя в квартире, а с другой – из дома его выгнали из-за нее. Это ведь она писала ему сообщения, она ходила с ним на концерт, она пригласила его к себе, как же теперь указать ему на дверь?

Следующая пара недель ознаменовалась переездом Кирилла. В Катину квартиру нелегальными мигрантами вползали дешевые, плохо изданные и плохо написанные книги про Гитлера, потертые кожаные куртки и коровьи черепа. Каждое утро, заходя в ванную, Катя видела на батарее линялые трусы и черные истрепанные носки, змеиной кожей облепившие трубу. Секса как такового между ними не было, Кирилла эта сторона жизни не особо увлекала.

Все это безобразие Катя стоически выносила, считая наказанием за собственную неразборчивость, но кое с чем ей не удалось смириться. Едва ли не каждый день Кирилл (успевший “подружиться” со всеми ее друзьями) выкладывал на своей страничке Катину фотографию с подписью в таком примерно духе:

Я всегда знал что душа у меня поэта. Я тонкий чувствующий человек и всегда знал что для меня нужна такая женщина, которая всегда знает чего я хочу! Те кто меня знают знают, что у меня было много любви, но сейчас моя богиня Катя Беляева.

Богиня Катя Беляева истерически требовала прекратить писать безграмотную ахинею. Кирилл впадал в ярость. Во-первых, он считал себя человеком образованным (уж точно не хуже Кати), во-вторых, Катины рассуждения о приватности, о том, что личная жизнь не должна становиться предметом бахвальства, нисколько его не обманывали. Как бы Катя ни изворачивалась, он отлично просекал, что речь не о приватности, а о стыде, о Катином нежелании афишировать отношения с ним.

Кирилл орал, обвинял Катю в том, что она его не любит, пока однажды она не заявила, что он совершенно прав. Она не просто не любит его, ее тошнит от него, она презирает его, она испытывает к нему физическое отвращение, и будет очень здорово, если он соберет свои вонючие черепа и свалит из ее квартиры.

Тогда Кирилл завел привычку регулярно валяться у нее в ногах, даже обещал бросить пить, но, разумеется, не бросил.

Квартиру залили соседи сверху, встал вопрос о ремонте, на время которого Катя переехала на небольшую дачку в сорока километрах от столицы, доставшуюся от бабушки. Кирилл последовал за ней на электричке, денег у него уже совсем не осталось, а на работу он никак не мог устроиться.

Катя не разрешала Кириллу есть ее продукты, он часами уламывал ее выдать ему денег на самые дешевые сигареты; в их отношения просочились мат и агрессия, но уходить Кирилл не собирался. Однажды утром Катя положила ему в кофе ложку гранулированного крысиного яда, который нашла под раковиной. Кирилл пожаловался, что кофе какой-то горький.

– Не нравится – не пей! – сказала Катя.

В тот день он украл деньги из ее сумки и напился на железнодорожной станции.

Катя заперла ворота и, как он ни ломился, не открыла, а когда он попытался через них перелезть, сделала вид, что звонит в полицию. Тогда Кирилл куда-то подевался. Катя сидела на веранде, не представляя, как переживет эту ночь. Вскоре посыпались сообщения от Кирилла. Он посетил хозяйственный магазин, приобрел веревку – фото веревки прилагалось. С веревкой он направился в пристанционную березовую рощицу, откуда сообщил, что прямо тут и повесится, поскольку Катя его не любит, а других жизненных перспектив тоже нет.

Катя отвечала ему что-то из серии “никто, кроме тебя, не может нести ответственность за твою жизнь!”, пока вдруг ее не осенило, что он просто куражится.

Мой почти неправдоподобный идиотизм проистекал из того, что с детства меня учили уважать чужие чувства, – напишет Катя впоследствии. – Мне внушали, что никого нельзя обижать, меня принуждали к тому, чтобы я была удобной для других. Такие простые вещи, как нежелание работать, платить за квартиру, пьянство, не существовали в мире высоких

помыслов моей семьи. И все то время, пока случайный человек просто пользовался мной и моими экономическими ресурсами, я не могла сказать ему “нет”, потому что боялась проявить неблагодарность в ответ на любовь, о которой он постоянно твердил.

После того как ей открылась столь нехитрая истина, Катя собрала вещи, вытащила из валявшегося в прихожей портфеля Кирилла ключи от своей квартиры и вызвала такси. На сообщения она больше не отвечала, но пока все же не решалась заблокировать Кирилла, объясняя это себе тем, что ей лучше быть в курсе его порывов.

В каком-то смысле она была права.

Она уехала к подруге, и они еще пару суток накручивали друг дружку. Подруга рассказывала про женщин, которым плеснули в лицо серной кислотой, Катя бодрилась, замечая, что Кирилл – банальный алкаш, и ей трудно представить, что он способен осуществить такое сложное, последовательное действие, как покупка серной кислоты.

Пропивший все деньги, лишенный крыши над головой Кирилл метался по дачному поселку и грозился в сообщениях то спалить Катину дачу, то ночевать на лавочке у ее дома, чтобы она знала, до чего его довела. Потом его риторика изменилась. Он умолял Катю встретиться и дать ему хотя бы двадцать тысяч рублей, чтобы он смог снять себе комнату. На ее молчание он раздражался проклятиями, которые, правда, быстро сменялись заискиваниями.

В 10 утра я получила сообщение, в котором он описывал, как найдет меня и разобьет мне колени молотком, чтобы никто больше на меня не позарился. В 10.30 он писал, что во всем виновата водка, это она довела его до безумия, но на самом деле дорожке всего на свете ему моя улыбка. Ближе к 12 я получила ультиматум: он готов простить меня за мое скотское поведение и снова, как он выражался, сойтись – в течение почему-то трех дней. Вечером он добавлял, что я буду умолять его вернуться, а он еще подумает, потому что не хочет жить “нелюбимым”.

Подруга была убеждена, что Кирилл обязательно убьет Катю. В его агрессивности она убедилась лично, когда поехала на Катину дачу вместе со своим приятелем геем (очень мужественной наружности), чтобы отдать Кириллу его вещи, включая коровьи черепа. Втроем они слегка поцапались над горой мусорных мешков со строительного рынка, куда Кирилл собирал свой скарб.

Подруга потом докладывала, что изъяснялся он исключительно матом, обвинял Катю в воровстве каких-то его книг и кожаной куртки и что все руки у него были в свежих порезах, которые он ей (и гею) не без бравады продемонстрировал, заявив, что боли не боится.

Подруга почему-то решила, что таким образом Кирилл завуалированно намекает на готовность сесть в тюрьму за убийство Кати, где его, безусловно, не один раз избьют, а может, и порежут. Выслушав ее, Катя впала в настоящую панику, вопрошая: “Что же мне делать?!” – и неожиданно получила ответ, и, что еще более неожиданно, – от гея.

Налив всем вина, он заявил, что в таких ситуациях важнее всего публичная огласка, которой так боятся все жертвы насилия. Понятно, что женщине тяжело признаваться, каким унижениям ее подвергали, но иного пути остановить подонка, похоже, нет.

Так, в соображении на троих, родилась идея “дневника жертвы”, которую на следующий день Катя презентовала редактору информационного портала “Страна +7”. Поскольку портал давно и безуспешно охотился за женской аудиторией, Кате дали добро на первую публикацию. За пять дней дневник набрал более ста тысяч просмотров и около двадцати тысяч перепостов, что позволило сделать вывод о крайней востребованности поднятой Катей проблематики.

Выяснилось, что большинство женщин в нашей стране переживали все то, что описывала Катя, с большей или меньшей степенью рефлексии. Кате писали письма, в которых поздрав-

ляли с тем, что Кирилл оказался нейтрализован прежде, чем он поднял на нее руку. Катя благодарила всех писавших “за смелость” и замечала, что “между психологическим насилием и физическим не такая уж большая разница, как принято считать”.

Разумеется, не обошлось и без сексистов, обвинителей жертв и прочего сброда, но их обидные комментарии в Катин адрес лишь указывали на то, что “честный разговор о мужском насилии давно назрел”.

Вы хотите знать, что случилось с Кириллом? Поверьте, ничего особенного или хотя бы нового. Еще с полгода он надеялся вернуться к Кате, убеждая себя, что их разлад – странное недоразумение, а на самом деле Катя его любит. Он даже писал оскорбления вперемешку с угрозами Катиной подруге, которая, по его мысли, настроила Катю против него. В пьяном состоянии он отредактировал статью о Кате в Википедии, приписав, что Катя является его женой. А потом, как и следовало ожидать, он “влюбился” снова и исчез где-то в Подмоскowie.

Дело, как мы с вами отлично понимаем, не в нем.

Так часто случается, что отдельные бесполезные люди становятся детонаторами мощнейших психических процессов в нас самих. Сероводорода из их слабенького пердежа оказывается достаточно для искры, что подожжет бикфордов шнур, и вскоре оглушительный взрыв разнесет скальные породы наших былых представлений о жизни, о людях и о самих себе, конечно.

Помните, я говорила вам о рычаге? Так вот, для Кати Беляевой рычагом стал Кирилл – после встречи с ним ее жизнь изменилась, чего пока не сказать о вашей.

Катя ждала Любу на летней веранде кафе в центре столицы нашей родины.

– Хочешь кофе или, может, лимонад? – приветливо спросила она.

Люба заказала чай и сырники с малиновым муссом.

Я смотрела на облупленный красный лак на ее ногтях, на то, с каким восторгом она разглядывает гуляющих по Патрикам проституток в дорогущих шмотках. И, глядя на нее, я пыталась найти ответ на вопрос, что же случилось со всеми этими девочками, но не нашла его, – напишет Катя ближе к вечеру.

– Как ты познакомилась с Мартой?

– Ну как? – ответила Люба с набитым ртом. – Мы с ней в одном классе учились. И жили в одной комнате, ну и... Два года почти.

Катя кивнула:

– Почему вы обе оказались в интернате?..

Люба пожалала плечами. Разумеется, она прекрасно знала, почему оказалась в интернате, но ответила уклончиво:

– Плохие отношения с родителями. – Люба вздохнула: – Мама с папой развелись, и мама теперь очень много работает, вечно в командировках... Она не хочет, чтобы я оставалась дома одна, ей не нравится, что приглашаю друзей, и соседи ей жалуются, ну и...

Она сидела передо мной и обстоятельно, спокойно объясняла, почему она не нужна, почему не нужна ее лучшая подруга Марта. Почему с ними нельзя жить, есть за одним столом, ходить по выходным в кино, обниматься, выслушивать их наивные истории про учителей и мальчиков.

– А у Марты мать умерла, и ее отец женился на другой женщине, – продолжала “наивные истории” Люба. – Вы, кстати, знаете, кто отец Марты?

– Кто? – заинтересовалась Катя.

– Адвокат! Олег N.

Катя округлила глаза:

– Да?..

– Да, – подтвердила Люба. – В общем, у него от новой жены родился еще ребенок, он большой оказался... Ну и...

“Ну и...” Ее любимая присказка, безотказный способ заканчивать едва ли не каждое предложение, словно после “ну и” слова уже излишни, и так все ясно. Но мне не ясно. Я не могу понять, почему рождение больного ребенка означает отказ от здорового, я не могу понять, почему командировки становятся причиной отдать единственную дочь в интернат?

Люба понизила голос:

– Я еще кое-что могу рассказать. Про Марту.

Катя снова схватила меню:

– Мороженого?

– Самое вкусное мороженое в “Пломбире”. Знаете? Это на Лубянке.

– Не знаю, – улыбнулась Катя, – я не очень люблю мороженое.

– А... – В Любином голосе угадывалось разочарование. – Короче, Марта всегда говорила, что в интернате ей лучше, чем дома. Она даже жалела, что ее так поздно туда отправили, в четырнадцать лет. Ее отец... он что-то типа Фрэнка из “Калифорникейшн”... Ну, у него зависимость от секса. И он жил... не с одной женщиной, ну и...

– В каком смысле... не с одной? – осторожно уточнила Катя, которая, конечно же, никогда не сталкивалась с такой возмутительной распушенностью.

– В смысле, у них дома было по две, по три бабы, и со всеми он трахался. Так ясно?

В этот момент, когда из накрашенных губ Любы вырвалось грубое и нетерпеливое “Так ясно?”, Катя почувствовала себя виновной.

Ей стало гадко от того, что она поступает с Любой так же, как с ней поступали все остальные.

Злюсь, обижаюсь, ищу подтверждения ее мнимой испорченности. Делаю все то, что называется в психологии обвинением жертвы. Боль этой девочки была так осязаема и так огромна, что заслоняла от меня благополучный фасад Патриков, и мне хотелось убрать эту боль, отодвинуть, объяснить, что она не настоящая, и забыть о ней...

На прощанье Катя предложила Любе съездить в ее любимый “Пломбир” и угостить ее мороженым. Люба не захотела. Тогда Катя, краснея и запинаясь, осведомилась, есть ли у Любы деньги, чтобы самой наведаться в “Пломбир” при желании? Люба пожалала плечами. Катя дала ей тысячу. Люба решила особо не жесить, да и времени на покупку наркоты у нее бы не хватило (она должна была до десяти вернуться в интернат), поэтому она купила дешевое красное вино в тетрапаке и ужралась в парке.

6

Михаил учил Марту трогать мотоцикл с места. После секса их союз обрел, может быть, не смысл, но некоторую возможность будущего. В паузах между поцелуйчиками и интимными щипками Михаил рассказал, что страсть к мотоциклам охватила его не так давно, месяцев шесть назад, а до этого, как он выразился, он вел жизнь унылого офисного говна.

Он не то чтобы врал, но и не говорил всей правды, а правда заключалась в том, что жизнь унылого офисного говна Михаил влачил не один, а с женщиной по имени Лена. Ничего интересного в этой жизни и этой женщине и впрямь не было, но не было и ничего плохого.

Проблемы начались в тот момент, когда Михаил приобрел мотоцикл.

Лена не разделила его увлечения, всякий раз, когда он пытался ее покатать, она омерзительно визжала и вдобавок создавала аварийно-опасные ситуации, пытаясь соскочить с мотоцикла на светофорах. К тому же она была убеждена (небезосновательно), что Михаил купил мотоцикл для того, чтобы знакомиться с другими женщинами.

А этого делать было, конечно, нельзя.

Несмотря на то что к сексуальным отношениям Лена относилась с отчетливым презрением и, как могла, избегала их, Михаила она постоянно и яростно ревновала. Привело это только к тому, что одним утром он сел на мотоцикл и уехал, оставив Лене записку с предложением расстаться.

– Короче, так, – Михаил подвел Марту к стоящему на подножке R1200RS, – сначала вставляешь ключ в зажигание, поворачиваешь, потом садишься.

Это Марта как раз делать умела – в ее жизни уже был мужчина, потративший время и нервы на повторение команд “выжми сцепление”, “плавно открывай газ”, – но Марта в этом, конечно, не призналась: ей хотелось, чтобы Михаил отнес результаты чужих уроков на свой педагогический счет.

– Сцепление выжми, – говорил Михаил, – и самое главное, нужно научиться плавно, слышишь – плавно, открывать газ!

Вижу, вы настолько взбудоражены услышанным, что практически не способны следить за указаниями Михаила. Вам не терпится узнать, кто же этот мужчина, научивший Марту трогать мотоцикл с места? Не стану вас томить, да и, честно говоря, мне самой не очень интересно смотреть, как во имя прошлых и будущих соитий Михаил жжет сцепление своего R1200RS.

Чтобы встретиться с тем, другим мужчиной, нам придется отправиться в Португалию, прямо на пляж Эшпинью. Год там сейчас две тысячи одиннадцатый, на аквабайке сидит довольно противного вида девочка и, надувшись, слушает человека, стоящего по пояс в воде.

– Не спеши, – говорит он, – положи указательные пальцы на кнопки.левой рукой ты его заводишь, правой подаешь газ.

Марта (конечно же, это она) тыкает пальцем в стартер, поддает слишком много газа – аквабайк ревет, как тигр, наступивший на стекло. От ужаса она бросает газ – дернувшись вперед, аквабайк глохнет. С этим, в общем, все понятно: Марте десять лет, и указания выполнять не так просто, как кажется. Руки соскальзывают с руля, солнце жарит, спасательный жилет, который ее заставили надеть, ужасно воняет, а страстное желание покататься довольно быстро уступило место желанию, чтобы ее оставили в покое.

Давайте повнимательнее посмотрим на мужчину, который стоит с ней рядом.

Ему тридцать восемь. Он уже начал лысеть и поэтому бреет голову под ноль. В левом ухе у него серьга с маленьким бриллиантом, он невысокого роста, но отлично сложен, малейшее его движение возле злосчастного аквабайка словно заводит какой-то внутренний механизм, и под загорелой кожей выступают крепкие, рельефно очерченные мышцы. Его бритый череп и постоянная ухмылка словно намекают на не слишком твердые моральные установки, и женщины со всего мира посматривают на него из-под своих зонтиков и темных очков, в их глазах интерес и боязливое презрение, гордость, которую они якобы готовы защищать, и разочарование от того, что защищать не придется.

Разрешите представить – это отец Марты. Его зовут Олег, он здесь с дочкой и ее няней по имени Светка, и, к слову сказать, Светку он трахает. Вот, кстати, и она, растеклась по лежаку и блестит кокосовым маслом, личико простенькое, русское-равнинное, но фигура – высший класс. Никаких других достоинств в Светке нет, и трудно предположить, что у любого мужчины, включая даже вас, она может вызвать иное желание, кроме как отодрать ее.

Ну вот. Вы уже собираете губы в куриную гузку, дабы выразить свое негодование таким поворотом разговора. Я бы и рада вам подыграть, потрендеть на тему бедственного положения нянь, которые вынуждены давать отцам своих подопечных, чтобы не вылететь с работы, но не стану.

В нашем случае это будет противоречить истине.

А истина в том, что не бриллиант в моче левого уха, не зарплата и жилье заставляют Светку раздвигать перед этим мужчиной ноги и бешено впиваться ногтями в его ягодицы. Ее волнует и влечет тот грубый, простой, жестокий заряд, который заставляет перекачиваться железные мышцы под его загорелой кожей, который вырабатывается у таких самцов в половых актах не с женщинами, а с Вселенной, – который заставляет разрушать все вокруг долгие годы, толкая к тому отрицательному полюсу, что наконец поглотит его.

Мы с вами в курсе, что это называется коротким замыканием, и, поверьте мне, оно случится, но не Светке суждено заземлить этого мужчину, как бы ей этого ни хотелось.

Пусть Светка жмурится на лежаке, пусть Марта злится на неподатливый аквабайк, мы с вами лучше посмотрим, кто это пробирается между зонтиками и шезлонгами по пляжу Эшпинью?

Да-да, я имею в виду именно эту женщину в черном купальнике, за тридцать, которая нарочно медленно, словно издеваясь над остальными людьми, что отчаянно, до паники, стыдятся лишнего веса, идет к океану. Ее полные бедра, не прикрытые ни полотенцем, ни парео, вызывающе покачиваются, подрагивает в такт им большой мягкий живот. Дойдя до самой кромки воды, она останавливается и некоторое время наблюдает за возней у аквабайка. С ее губ не сходит добродушная улыбка, но в глазах живет тот особенный страх, что часто становится почвой для отличного чувства юмора.

– Простите, пожалуйста! – говорит она негромко, но Олег мгновенно оборачивается.

Марта тоже оборачивается. Она видит лишь тетку с целлюлитом.

А что видит Олег?

– Я слышу, вы говорите по-русски, это очень приятно, – продолжает женщина светским, благожелательным тоном.

– Взаимно! – Олег широко улыбается.

Марта, отдавая дань вежливости, машет женщине рукой. Она прекрасно знает, что интерес для отца представляют девушки до двадцати пяти, ростом под два метра, с большими сиськами и не сильно богатым словарным запасом, поэтому не ждет от этой беседы ничего судьбоносного.

– У меня есть мальчик десяти лет, с довольно омерзительным характером, – говорит женщина, – он просто затрахал нас с его отцом этими аквабайками, но кататься с ним мы совершенно не хотим, а доверить его инструкторам как-то боимся... Сами понимаете, наш мальчик им не очень интересен, им бы снять какую-нибудь голодную женщину, все равно какого возраста.

Она улыбается и почему-то смотрит на Светку. Она не может знать, что Светка – няня Марты и без пяти минут спутница жизни Олега, а не просто русская равнинная шлюха, но откуда-то она это знает. И то, как безошибочно эта женщина маркирует непредсказуемые явления действительности, заставляет Олега рассмеяться. Он вряд ли понимает, почему ему вдруг стало так радостно на пляже Эшпинью, в две тысячи одиннадцатом году, но эта радость была ему обещана первым взглядом, который он бросил через плечо, услышав “простите, пожалуйста”. Так радуются, вернувшись домой после долгого отсутствия, так радуются, услышав в чужой стране родной язык.

– Я Ира, – сказала женщина.

– Олег. Очень приятно!

Через пятнадцать минут они все уже сидели за столиком в кафе – Марта, Олег, Светка, Ира, ее муж Саша Гурвич и их сын Яша.

Формальным поводом для знакомства послужило согласие Олега научить Яшу управлять аквабайком. По лицу Яши трудно было предположить, что это и есть его мечта. Впрочем, как только принесли белое вино со льдом, о Яше и Марте забыли. Олег, как всегда, завладел всеобщим вниманием и делился довольно остроумными наблюдениями относительно национального характера португальцев.

Много о них, правда, не скажешь, да и большого интереса для компании португальцы не представляли. И Олег оседлал своего верного коня, не раз и не два выносившего его из битв прямо в альковы размякших женщин. Заявил, что аквабайк – это детская забава, курортная глупость, и если Яше действительно нравятся мотоциклы, то надо поехать в горы и поучиться мотокроссу. Никто толком не знал, что такое мотокросс, но от этого слова прямо-таки несло кислым потом и кровью из расквашенного носа.

– Мотокросс! – мечтательно повторила Ира.

– Я не хочу в горы, – буркнул Яша.

– Милый, – сказала Ира, прикуривая сигарету, – ты сюда приехал, чтобы отдыхать и наслаждаться жизнью. Так наслаждайся, будь добр.

Яша злобно фыркнул, но возражать не решился. Время от времени он посматривал на Марту, но явно стеснялся заговорить с ней при всех. Марта в свои десять была куда лучше Яши подкована в искусстве клянчить – она спрыгнула со стула, подошла к отцу и обняла его за шею.

– Что, котик? – спросил Олег, не глядя на нее.

– Можно мы пойдем немного погуляем? – Марта посмотрела на Яшу.

– Конечно.

– Только с пляжа ни шагу! – Светка воспользовалась шансом указать, что не зря спит в хозяйской постели.

Но Марта не торопилась уходить, даже получив разрешение. И когда отец все же повернулся к ней, сказала:

– Вдруг захочется пить, а денег нет!

Полученные десять евро Марта засунула в трусы. Их с Яшей путь лежал в ларек около центра водных развлечений, где Яша намеревался купить пива.

– Ты сможешь по-английски сказать, что это для родителей? – спросил он.

– *It's not for us, it's for our parents*, – подтвердила свою компетентность Марта.

С пивом никаких проблем не возникло. Португальскому глухому старику, торгующему в пляжном ларьке, была совершенно безразлична дальнейшая судьба отпускаемого им товара.

Яша и Марта сели в тени платана, Яша потянул за колечко, и банка “бекса”, чмокнув, выпустила пену.

– Во сколько твоя мама тебя родила? – спросил Яша.

К этому вопросу Марта была готова.

– Света не моя мама.

– Да?

– Моя мама умерла. А Света – это няня.

Яша несколько секунд молчал.

– Хреново, – наконец сказал он.

– Наверное, хреново, если ты знаешь свою маму, – эту фразу Марта повторяла уже по меньшей мере восемь лет своей жизни – по сути, с тех пор, как научилась говорить, – но когда ты ее не помнишь, это не так страшно.

Если уж совсем честно, то восемь лет своей жизни Марта повторяла то, что когда-то сказал ей отец. В раннем детстве она приставала к нему с вопросами о маме и не могла не заметить, что эти вопросы портят ему настроение. А поскольку, как я вам уже намекала, Марта

всегда была умной и сообразительной девочкой, она не могла не видеть противоречий в словах отца.

Иногда мама умирала в автокатастрофе, но на элементарный вопрос, куда она ехала и какого цвета была машина, отец почему-то не мог ответить. После парочки порций односолодового виски он вообще мог сказать, что машину вела не мама, а водитель, потому что это было такси. Иногда мама стояла на остановке, в которую врезался самосвал. Иногда перебежала дорогу в неполюженном месте.

В райском саду их нежной дружбы мама была пятачком земли у забора, где никогда ничего не росло. Похоже, отец надеялся, что пятачок так и останется пятачком, что однажды на нем можно будет поставить садового гнома (пошловато, но все же традиция) или красивый скворечник. Но вышло не так, как он ожидал, – вирус садового бесплодия, зараза под названием “мама”, неумолимо распозался. Пока Марте всего десять, она сидит со своим новым другом на пляже Эшпинью, и мертвая мама внутри нее еще только начинает наступление на жизнь.

Чтобы убить все, маме понадобится семь лет.

– А у меня есть попугай, – сказал Яша.

За пару часов Марта научилась сносно трогаться и вполне уверенно тормозить. Михаил был в восторге.

Напротив мотеля располагался магазин спортивных товаров с загаженными мухами стеклами. Марта не преминула привлечь к нему внимание Михаила, заметив, что в ее дряхлых кедах страшно неудобно переключать передачи – шнурки цепляются. Михаил уставился на нее с недоумением, которое быстро сменилось тяжелым, безрадостным прозрением.

– Зайдем? – Не удосужившись дождаться ответа, Марта бросилась в магазин.

По диагонали от входа на полке стояли белые кожаные “рибоки” за восемь тысяч. Старая добрая классика. Марта деловито попросила померить тридцать восьмой размер. Пока продавщица искала тридцать восьмой на складе, Марта сообщила Михаилу, что это ее любимая модель кроссовок – они подо все подходят и очень долговечные. Михаил попытался внести смуту, заявив, что переключать передачи в белых “рибоках” еще менее практично, чем в кедах, но Марта даже слушать не стала.

Она надела принесенные продавщицей кроссовки и любовалась собой в зеркале.

– Обалденно! – высказалась продавщица.

Повисла напряженная пауза.

Михаил стоял посреди магазина в своих кожаных штанах, Марта и продавщица улыбались ему заискивающе и одновременно агрессивно. Так смотрят на вратаря, ожидающего одиннадцатиметровый: есть надежда, что он возьмет мяч, но настолько призрачная, что лучше и не надеяться.

– Ну ладно... – Марта сняла кроссовки и медленно, чтобы Михаил ничего не пропустил, натянула свои старенькие кеды.

Продавщица покачала головой.

Михаила вдруг пронзил невыносимый стыд, ему показалось, что даже магазинные мухи, пролетая мимо, жужжат с укоризной.

Марта двинулась в сторону выхода, продавщица прижимала кроссовки к груди, как котят, которых ей не удалось пристроить в хорошие руки.

Михаил купил R1200RS в кредит. Первый взнос – восемьдесят тысяч, ежемесячный платеж – тридцать семь пятьсот девяносто, плюс полтинник обязательная страховка. Не то чтобы у него были лишние восемь тысяч, но, повинувшись уродливым социальным ожиданиям, он вспомнил про кредитку и купил кроссовки.

Марта обняла его и поцеловала, продавщица презрительно хмыкнула, выражение ее лица как бы сообщало: и не таких ломали!

Когда они вернулись в мотель, женщина на входе потребовала заплатить еще за сутки, коль уж они никуда не уезжают. Михаил ответил нечто неопределенное, и они с Мартой прошли в номер, где закрылись на ключ.

Что-то сломалось в этой истории.

Михаилу уже тридцать шесть, он сидит на кровати и смотрит на коробку с кроссовками “Рибок”, будто это маленькое надгробие на кладбище надежд. В этой коробке лежит жизнь, что могла бы стремительно нестись, как мотоцикл R1200RS, по гладкому черному шоссе, а потом замедлиться естественным образом, как притормаживает R1200RS на проселке. В ней были бы яркие, хоть и не слишком оригинальные события, преимущественно сексуального характера, взаимная нежность взрослого мужчины и совсем юной девушки, их страстный интерес друг к другу, конфликты, страхи, чем черт не шутит, эта история могла бы занять годы, поменять их роли, оставить, как это принято называть, глубокий след.

Но ничему из этого не суждено сбыться.

Смотри же, смотри, мой бедный Михаил, обладатель brutальных штанов и нежного сердца, попрощайся с мечтой у коробки с белыми кроссовками, которые подо все подходят и очень долговечные. Сейчас ты ближе к своему неизвестному отцу, чем когда-либо был и когда-либо будешь. Это ведь он смотрит на маленький гроб, где лежит мертвое желание делать все правильно, это его ужас ты испытываешь в присутствии юной девушки, которую еще вчера так великодушно пригласил в свою жизнь.

Все может продолжиться, ты это знаешь, но тебе придется притворяться, что ты не понимаешь того, что понял только что. Что понял твой отец, и отец твоего лучшего друга, и отцы твоих коллег, с которыми ты обсуждал за обедом футбол.

В твоей жизни уже была Лена, была твоя мать, и ты не хочешь делать все правильно, но у девушки, кажется, есть иллюзии об игре, которую она с тобой затеяла. Так похлопай рукой по кровати, как хлопают, приглашая кота. Пусть она сядет рядом, засунь ладонь ей между ног, схвати ее больно – так, чтобы ей стало стыдно, так, чтобы она почувствовала себя пиздой, а не повелительницей мужских сердец и кошельков.

Поставь ее раком, Михаил, воткни ее лицо в подушку, войди в нее посуху и молоти, пока не кончишь.

А что это вы отворачиваетесь? Вам противно?

Удивительное дело, всем становится противно, когда искренние эмоции проявляют мужчины, хотя, если вы будете бить собаку по носу пятнадцать минут, она вас точно цапнет, и никто не удивится.

Но только в случае с мужчинами считается, что они обязаны принимать прямо в душу бесконечный конвейер из кучек дерьма и ни в коем случае не показывать своего разочарования. Или вы правда считаете, что принимать дерьмо от того, кто зависим от тебя, не так обидно, как от равного? Или, возможно, вы находите вовсе не обидной ситуацию, когда тебя не считают равным, но при этом отчаянно за тебя цепляются? И почему, мне интересно, любая подлость со стороны женщины мгновенно оправдывается ее мифической зависимостью, а нормальная реакция мужчины на подлость объявляется недопустимой?

Мы с вами еще вернемся к этому разговору, а сейчас наш Михаил выходит на прямую дорогу, ведущую к оргазму, но тут звонит его телефон.

Он изо всех сил старается не обращать на телефон внимания, но и телефон, в свою очередь, не собирается сдаваться. Он звонит, звонит, звонит, пока возбуждение не покидает Михаила, уступив место глухому, звериному раздражению.

Михаил встает с кровати, хватая лежащую на тумбочке трубку, чтобы выключить звонок, и видит фото Лены на экране.

Он держит в руках разрывающийся телефон, а Лена улыбается ему, протягивая букет тюльпанов. Когда-то это была его любимая фотография, он сам снял Лену с тюльпанами прошлым летом. Михаил не отвечает на звонок, в каком-то смысле не берет предлагаемые тюльпаны, но чувство вины, которое его подружка протягивает заодно с цветами, он не взять не смог.

Михаил надевает свои скрипучие кожаные штаны, берет сигареты и выходит на улицу.

Один-единственный не отвеченный вызов заставляет его взглянуть на происходящее под иным углом. Еще вчера он казался себе свободным человеком, смело встречавшим вызовы жизни.

Вчера он был героем фильма, персонажем культового романа, сегодня вдруг выяснилось, что он – просто кукла на ниточках, за которые все желающие могут дергать.

С героями романов не спят за кроссовки, а с Михаилом спали, вот что было непереносимо.

Он не сожалеет об измене. Дело не в сожалении, а в отвращении, которое он чувствует к себе.

Пока Михаил курит сигареты одну за одной на испепеляемой солнцем стоянке мотеля, Марта сидит на кровати в номере, а в руках у нее телефон Михаила. Он вздрагивает и пищит каждую секунду – это Лена начала строчить в мессенджер.

Она интересуется, где Михаил сейчас.

И не трудно ли будет ему позвонить ей, когда будет время?

Чтобы сообщения еще больше походили на ковровую бомбардировку, она добавляет, что скучает.

Очень сильно.

Любит.

Все время думает о нем.

А в конце для убедительности присылает свою фотографию.

Голая, всклокоченная Марта взбешена таким поворотом событий.

Михаил, оказывается, обманул ее. Она-то думала, у Михаила никого нет, а у него, оказывается, есть! Какая-то сука звонит ему в полном праве, а он трусливо не отвечает и убегает курить, стыдясь встретиться с Мартой взглядом.

Ей хочется кричать, хочется разгромить всю комнату, так велика ее боль, так глубоко ранено ее женское достоинство.

Марта не задает себе вопрос, зачем ей Михаил? Какие, собственно, чувства она сама к нему испытывает? Какое ей вообще дело до его запутанных личных обстоятельств? Единственное, чего она сейчас хочет, – это чтобы все вокруг, знакомые и далекие, испытали то, что испытывает она.

Поэтому Марта, наш “лучик света”, широко расставляет ноги и делает телефоном несколько зажигательных снимков.

Самое горячее фото она отправляет Лене, после чего изображает тупую мужскую панику – стирает сообщение, а потом пишет: “это вирус”.

Но и этого мало.

Пройдясь по контактам, Марта посылает сообщения людям, которых выбирает совершенно произвольно. Алексею Столярову она пишет: “Соси хуй!”, Софье Шуваевой: “Ты говно!”, а Борису Володину: “Сдохни, тварь!”

Она успеваает выключить телефон за секунду до того, как Михаил возвращается в номер. Он надевает куртку, берет шлем и советует ей тоже собраться, если она не передумала ехать. Телефон Михаил не глядя запикивает в карман. Он рассчитывает к ночи быть в Архангельске, избавиться от Марты и уже потом разобраться с Леной.

Его расчеты не оправдаются, но он пока не знает об этом.

Давайте дадим ему доехать ну хотя бы до Вельска, это займет часов пять, а мы пока навестим Катю Беляеву в ее квартирке недалеко от метро “Кутузовская”.

За сутки, минувшие с момента “исчезновения” Марты, квартирка переоборудовалась в штаб. Катя создала на сайте “Страны +7” открытый топик “Ищем Марту”, куда люди со всей страны могли при желании отправлять ценную для поисков информацию.

Проблема состояла лишь в том, что никакой ценной информации у них не было, поэтому топик довольно быстро превратился в своего рода сортир, куда все кому не лень сливали свои бесценные соображения о жизни, современном положении женщины и кризисе традиционной семьи, а Катя Беляева все это модерировала, лежа в постели и пристроив ноутбук на груди.

Она уже не рада, что ввязалась, вы уж мне поверьте. Даже ей, закаленной “дневником жертвы”, не приходилось читать такую отборную ахинею, да еще в таком объеме. Никогда в глаза Марту не видевшие, даже не подозревавшие о ее существовании женщины проклинали ее отца “за такое равнодушие”, именовали его “монстром” и “гнидой”, директора интерната “Полигистор” призывали “посадить”, а предварительно “кастрировать”, и это я еще оставляю без внимания мелкие стычки между комментаторами. Всегда найдутся люди, которые знают, как другим следует жить, такие ни за что не упустят возможности похвастать своим положительным примером и написать на форуме, посвященном пропаже чужого ребенка, о том, что их ребенок с ними и под присмотром.

Катя уже подумывала навеститься в магазинчик за углом и взять бухла, настолько безысходной представлялась ей модераторская деятельность, как вдруг в топик пришло сообщение от некоей *barashki78*.

Руки трясутся, целый день реву, когда думаю об этой девочке! Так хочется, чтоб она была жива и невредима! Спасибо Кате Беляевой за такую прекрасную статью о Марте... да и обо всех нас! К сожалению, все, что там написано, правда. Я приходила лет восемь назад на собеседование в адвокатскую контору Олега N. Первое, что он сделал, – под каким-то предлогом удалил ассистентов, запер дверь, сел передо мной и придвинулся вплотную! Так, что его колени касались моих... Он задавал мне очень странные вопросы... Про мое семейное положение, например, про мои предпочтения... Я была молодая девушка после института и не очень понимала, как все это связано с работой. Он все время касался меня... Потом спросил, не хочу ли я выпить кофе с ним, мне было так страшно, что я даже не могла ничего ответить. Кажется, промямлила, что болит голова, и убежала!

Катя Беляева оживилась: ну наконец-то разговор становится по-настоящему содержательным!

Информация о чудовищном поступке отца Марты распространилась в мгновение ока. В топике тут же выделилась отдельная ветка, целиком посвященная его сексуальной невосдержанности. Огромное количество женщин самого разного возраста принялись вспоминать, что видели его когда-то, некоторым довелось даже коротко с ним поговорить, кто-то пересекался по рабочим вопросам, и все в один голос утверждали, что более распущенного, аморального человека они не знают. Неудивительно, что именно его дочка пропала.

Женщина, скрывающаяся за псевдонимом Разливное Хуанхэ, рассказала, что однажды брала у него интервью и на протяжении всего разговора он подавлял ее “сексистскими шуточками и намеками”.

Однако же козырной туз припрятала в рукаве вовсе не Разливное Хуанхэ, а Любимаеибомба, заметившая вскользь, что ее лучшая подруга Светка вообще-то жила с Олегом долгое время и такое про него рассказывала, что в публичном пространстве (даже таком отстойном, как топик на портале “Страна +7”) об этом не напишешь. Из чего Разливное Хуанхэ мгновенно

сделала вывод, что “обесчещенные” женщины настолько запуганы известным адвокатом, что до сих пор боятся слово сказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.